

ЯГОДКА ОПЯТЬ

25 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 55 ЛЕТ ПОЭТУ-ПРАВДУРБУ ИГОРЮ ИРТЕНЬЕВУ

Дмитрий БЫКОВ

Когда мне было пятнадцать лет и я внештатничал в «Московском комсомольце», Игорь Иртеньев однажды попросил у меня прикурить. Это было серьезное событие в моей литературной жизни. Я уже год читал его стихи в этой газете, находил их восхитительными и потому очень жалел, что не курю.

Закурил я в армии, где стихи Иртеньева были мне надежным подспорьем. Не следует думать, что гуманитарии в армии совсем не нужны: там всякого заставляют приносить пользу, немедленно извлекая из него именно ту пользу, на которую он способен. Я знал наизусть очень много стихов и постоянно их читал. Наибольшим успехом пользовалась подборка Иртеньева, незадолго перед тем появившаяся в «Дне поэзии»: «Идет по улице автобус, в нем едет много человек...»

Впоследствии с помощью стихов Иртеньева, которые я продолжал запоминать по мере чтения и помню теперь штук пятьдесят, я склеил нескольких девушек и очаровал нескольких иностранцев, интересовавшихся современным состоянием русской поэзии. Однажды Иртеньев дал мне рекомендацию в Союз писателей. В общем, он сыграл в моей жизни не меньшую роль, чем в русской поэзии — честь которой в середине девяностых он поддерживал едва ли не в одиночестве. Он был тогда самым известным русским поэтом (из живых, а может быть, и вообще). Иногда мне казалось, что это ненормально: не потому, что я сам хотел быть самым известным русским поэтом, а потому, что Иртеньев все-таки поэт иронический, а такого еще не было, чтобы иронический был главным. Но потом я понял,

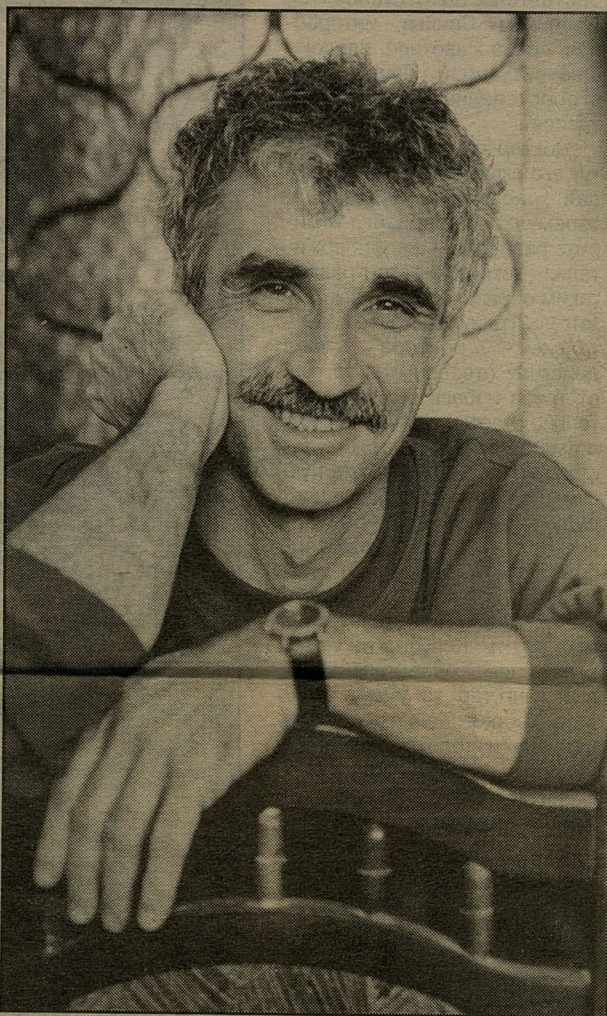

ФОТО ВИКТОРА СМОЛЯНИНОВА

ДОСЬЕ «ВК»

Игорь Иртеньев родился в Москве в семье историков Моисея Давыдовича и Ирины Павловны Иртеньевых. Выпускник заочного отделения Ленинградского института киноинженеров. Восемнадцать лет (1965-82) проработал механиком по обслуживанию киносъемочной техники. Объездил с группой кинохроники всю страну. Писать и печататься начал в 13 лет, дебютировал в «серьезной газете» («Литературная Россия») — в 32 года (1979). С 1993-го — главный редактор иронического журнала Михаила Жванецкого «Магазин».

что так и надо. Иртеньев ведь не постмодернист, как и Олейников не был сатириком. Он поэт с классическими, трагическими представлениями о мире, о чести, о своем предназначении. Просто он их артикулирует на новоязе, показывая, что с ними сделало время.

В некий момент мы с Иртеньевым оказались по разные стороны баррикад — не потому, что он работал на НТВ, а я нет, но в силу более глубоких причин. Мне не нравилось поведение команды НТВ в целом, и я имею право на такое мнение, даром что оно вдруг, к несчастью, совпало

с государственным. Логика «если ты не с нами — значит, ты с ними» давно меня не устраивает. Тем не менее для некоторых людей, работавших на НТВ, а потом на ТВ-6, я не мог не сделать исключения: я знаю, что Шендерович, Иртеньев и Бильжо в своей программе «Итого» не прягались не за деньги. Иртеньев написал замечательные издевательские стихи о том, как он продавался олигарху Березовскому. Что делать, если иногда твои идеалы защищают не самые приятные люди, в том числе олигархи? И Иртеньев, и большинство его коллег оказались в той ситуации заложниками. Заложники бывают разные, как Жилин и Костылин. Иртеньев вел себя великолепно, по-жилиньски.

Иртеньев делал и делает то, чем во все времена занимается настоящая поэзия: он проговаривает вслух и делает фактом искусства то, о чем думают все, но не все осмеливаются сказать. Он написал недавно гениальное стихотворение, посвященное своему учителю труда, — о том, что — чего уж там — ясно было с самого начала, не выйдет из нег настоящего труженика н. благо Родины, и именно учитель труда, спасибо ему, впервые дал ему это понять со всей ясностью. Таково, я думаю, нормальное самочувствие всякого интеллигента в России — болезненная гордость пополам с неизбывным чувством вины. Иртеньев нашел единственный способ напомнить читателю о вечных ценностях — он заговорил о них без пафоса и даже с антипафосом. И живи в наше время любой из великих — он не нашел бы лучшего языка, как упомянутый Олейников не нашел лучшего языка в тридцатых. В последнее время русская литература выжила во многом благодаря Иртеньеву. И читатели ее — тоже. ■

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Гуляли мы по высшей мерке,
Ничто нам было нипочем,
Взлетали в небо фейерверки,
Лилось шампанское ручьем.

Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былин,
Зато остались анекдоты.

Какой вокруг расцвел дизайн,
Какие оперы лабали,
Каких нам не открылось тайн,
Какие нам открылись дали.

Какие мощные умы
Торили путь каким идеям,
А что теперь имеем мы?
А ничего мы не имеем.

Поймали арабы еврея
И стали жестоко пытаться,
А ну, говори нам скорее,
Как звать тебя, мать-перемать.

Коль скажешь, дадим тебе злата,
Оденем в шелка и парчу,
Подарим портрет Арафата,
Короче, гуляй — не хочу.

Не скажешь — живым не надейся
Тюремный покинуть подвал,
Но имя герой иудейский
Сиона врагам не назвал.

Молчал до последнего вздоха,
Как те ни пытали его,
Он «р» выговаривал плохо
И очень стеснялся того.

БАЛЛАДА О ГОРДОМ РЫЦАРЕ

За высоким за забором
Гордый рыцарь в замке жил,
Он на все вокруг с прибором
Без разбора положил.

Не кормил казну налогом,
На турнирах не блистал
И однажды перед Богом
Раньше времени предстал.

И промолвил Вседержитель,
Смерив взглядом гордеца:
— С чем явился ты в обитель
Вездесущего отца?

Есть каналы, по которым
До меня дошел сигнал,
Что ты клал на все с прибором.
Отвечает рыцарь: клал!

Клал на ханжеский декорум,
На ублюдочную власть
И ad finem seculorum*
Собираюсь дальше класть.

* До скончания веков (лат.)

Сохранить рассудок можно
В этой жизни только так.
Бренна плоть, искусство ложно,
Страсть продажна, мир — бардак.

Не привыкший к долгим спорам,
Бог вздохнул: ну что ж, иди,
Хочешь класть на все с прибором,
Что поделаешь, клади.

Отпускаю, дерзкий сыне,
Я тебе гордыни грех,
С чистой совестью отныне
Можешь класть на все и всех.

И на сем визит свой к Богу
Гордый рыцарь завершил
И в обратную дорогу,
Помолившись, поспешил.

И в земной своей юдоли,
До седых дожив годов,
Исполнял он Божью волю,
Не жалеючи трудов.

Женщины носят чулки и колготки
И равнодушны к проблемам культуры.
20% из них — идиотки.
30% — набитые дуры.

40% из них — психопатки.
Это нам в сумме дает 90.
10% имеем в остатке.
Да и из этих-то выбрать не просто. ■